

VERSION RUSSE

— Покушение на министра Столыпина! Прострелены рука и печень! Потрясающие подробности! — грянули уличные газетчики ясным сентябрьским утром, чуть не кидаясь под колеса извозчиков. Одесса к тому времени накаленная уже забастовкой торгового флота в трех портах побережья, дала волю приутихнувшим было политическим страстям.

— Дядя, как по-вашему, погромы будут? — спросил Яков.

— С чего ты взял? — усмехнулся Моисей.

— Значит, это неправда, что Богров еврей? Я так в гимназии и говорил, а они...

— Ты поменьше бы, дружок, говорил в гимназии. Молчание — золото, знаешь? Богров-таки еврей, и стало быть — не дурак. Он же не в царя стрелял, хоть и мог бы с тем же успехом. Из двух монархистов — если, конечно, Николая считать монархистом — он выбрал наиболее опасного. Убей он царя — тогда, конечно, начался бы погром, какого еще не бывало. А из-за Столыпина никто и не почешется. Николай, говорят, и тот не слишком горюет.

— А кто теперь, дядя, будет вместо Столыпина? — вмешалась напряженно слушающая Римма.

— Уж Распутин им присоветует, не переживай.

Когда Моисей говорил, всё казалось ясным: не стоит волноваться, тут скорее уместна легкая насмешка. Много шума из ничего. Однако тем же вечером Римма услышала, как Моисей говорил с матерью уже серьезно. Он собирался переводить весь капитал в Вену и со временем перебираться туда насовсем. Эта монархия скоро рухнет, и туда ей и дорога. Однако какой смысл оказаться под обломками? Кто может предсказать, что тогда начнется? Во всеобщее братство, он извиняется, как-то плохо верится в этой стране. Рахиль тоже должна подумать о будущем. Впрочем, время еще есть, это не вопрос завтрашнего дня.

Для Риммы, однако, это было неубедительно. Царь сидит себе на престоле, и через два года будут праздновать трехсотлетие династии. С чего бы эта монархия рухнула, если сидеть сложа руки? Иметь возможность убить царя — и не сделать? Наверное, этот Богров промахнулся. Из зала трудно стрелять в театре. Если бы со сцены, когда весь зал как на ладони! Почему до этого раньше никто не додумался? Артистов ведь не обыскивают. Выйти бы на сцену с пистолетами — она и Морфесси — и грянуть по этой монархии: вот вам черта оседлости¹! Вот вам цензура! Вот вам — казаки с нагайками! обыски! охранка! Пусть потом вешают, рвут на части. Какое счастье погибнуть вместе с любимым человеком за правое дело. Лучшие люди России — декабристы, народовольцы, лейтенант Шмидт — разве не о том же мечтали?

Этим не с кем было поделиться: не с родными же обсуждать. И не с подругами: у них все же буржуазные взгляды. Вернее, не поймешь, есть ли у них вообще взгляды. Зина — та хоть с фантазией, что-то в ней есть, какая-то непредсказуемость. Но правильно Владек ее прозвал Снежной королевой: никто не знает, что у нее на уме, а всегда все сделает по-своему, еще и других заставит. А Анна — добропорядочная. Таким только идти замуж, да рожать, да разводить фикусы в горшках. Но как же попасть на ту сцену, с которой стрелять? Царь же больше в Петербурге, кто ее туда пустит, через черту оседлости? Как она одинока.

И. Ратушинская, *Одесситы* (1996), I, 10.

¹ черта оседлости: территория, вне которой в дореволюционное время не имели права жить евреи.